

Журнал "Байкал"

№ 1, 1967

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ж92

Ж92 Журнал "Байкал": № 1, 1967 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 156 с.

ISBN 978-5-458-66514-8

Журнал "Байкал" - литературно-художественный и общественно-политический, выходящий с периодичностью 6 раз в год. На его страницах формировалась бурятская литература. лучшие свои годы «Байкал» слыл одним из популярнейших сибирских журналов и расходился в тридцати с лишним странах дальнего зарубежья от Америки до Австралии и Новой Зеландии.

ISBN 978-5-458-66514-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Даши ДАМБАЕВ

НОВОГОДНЕЕ

Новый год!
Он наступает в молчаньи
Торжественном
Индия
Качиншедшился голосов
И индиана полноты,
И индианском
Индия
Минутных стрелок
Их вругу часов.
Крутым бьют...
Индия индиана рождения...
А индиана все громче
Движутся издалека.
Впечатленье такос,
Индия по струнам Времени
Валерию индианский
Минутный.
И индиана замирает.
И индианом мы сами.
И индиана дни
Минутный, толпясь.
Индия индианом индианом —
Индия индиана перед нами,
А индиана
Индия индианом нас.
И индиана минуты
Индия индианом с Новым годом
Индия индианом в прошлое:
Индия индианом было, и где?
Индия индианом глаза,
Индия индианом: «Новогоднее...»
Индия индианом
Индия индианом индианом бездарно
Индия
Индия индианом
Индия индианом мысли новые.

И отвергается
Мыслей ненужных хлам.
И эта смена—
Движенья вперед основа,
Которую я
никогда — клянусь!—не предаю.
Я среди друзей —
на жаре и ветру мы
Будем жизнь штурмовать,
За рекорды бросаться в бой.
Я перед годом стою,
Как Валерий Брумель
Перед новой, невзятой еще
Высотой.
Я влюбляюсь еще горячей
И яростней
В даль степей своих,
В девушек родной стороны,
В табуны,
Проплывающие красным
Парусом
За околицей моей Харганы.
Амар сайн, сельчане!
Я шлю вам привет
Новогодний!
Как Харгана там —
Ясное детство мое?
Всем добра и здоровья,
Всем хорошей погоды!
Пусть вовек не покинет
Счастье ваше жилье!
Как стремительно
Дни превращаются в годы,
Незаметно проходят
В отдыхе и труде —
Был недавно земляк мой
Хилым мальчишкой в роде,

А ты давно мужчиной
 (иногда боишься: «Мендее!»)
 Как поворачивается все!
 Мой любимый город —
 Не забудешь в нем с год —
 И пады узнай! —
 Словно слышу впервые
 И улиц просторных говор,
 Словно вижу впервые
 Родимый свой край.
 Пусть исполнится все,
 Что свершить решил ты,
 Милый край,
 Дорогой мне всегда до слез, —
 За тебя,
 Чтоб твоя становилась
 Все крепче сила,
 Я свой стих поднимаю,
 Как новогодний тост!
 Я на небо смотрю.
 А небо такое —
 В белых звездах,
 беспомощно глядящих

Во тьму,
 Мне чудится — это
 Не долетев до Ханоя,
 Самолеты врага примерзли
 К нему!
 Пусть весь мир
 Поднимает сегодня тосты
 За себя,
 За то, чтоб спокойно
 Ему жилось.
 — Тост за мир!
 Я себя за столом
 Не чувствую гостем,
 А, значит, и на планете
 Своей я тоже не гость!
 Новый год начинается...
 Самый новый!
 Он встает на пороге,
 Смирив шум голосов.
 И словно в рукопожатии,
 Потребовав первого слова,
 На двенадцати—ровно—
 Соединяются стрелки часов.

Виктор БОКОВ

**
*

Серые, серые глазоньки,
 Где-то далече, далече.
 Словно сибирские мазанки,
 Греют меня и лечат.

Смотрят они сквозь стеклышки,
 Грустные от расставанья,
 Как мудрые, мудрые тетушки
 Они полны пониманья.

Глазоньки ясновидящие!
 Зимним, сверкающим утром
 Стану для вас я витязем,
 Рыцарем неподкупным.

Меч наголо!—и пожалуйста,
 Тронете—будете биты.
 Глазоньки, как держава,
 как две межпланетных орбиты.

Поэтов Москвы и Улан-Удэ связывает давняя искренняя дружба.
 Стихи бурятских поэтов переводили Михаил Светлов, Вл. Луговской, Ярослав
 Ваншенкин, Станислав Куняев, Светлана Кузнецова... Мы рады предложить на-
 шему читателю новые стихи московских поэтов Виктора Бокова, Ларисы Васи-
 леевой, Александра Коренева, которые впервые выступают в нашем журнале.
 Стихи и песни Виктора Бокова получили в последние годы такое быстрое
 признание, что многие из нас, читая или напевая их, еще не успели узнать имя
 автора этих замечательных строк. «Оренбургский пуховый платок», «На побыль-
 едет молодой моряк», «Коло-коло-колокольчик...». Эти и многие другие популяр-
 нейшие песни В. Бокова говорят сами за себя. И вот Виктор Боков любезно
 прислал нам свои новые стихи, стихи еще нигде не опубликованные, стихи еще не
 положенные на музыку, хотя они несомненно привлекут внимание композиторов.
 Лариса Васильева еще очень молода, у нее на счету лишь один сборник
 изданный в «Молодой гвардии». «Льняная луна» возшла над поэтическим небо-
 сводом вроде бы тихо, скромно. Но любители поэзии заметили этот сборник,
 их заворожил мягкий задушевный голос Ларисы, напевность, обаяние ее стихов.

Не думай, что я тунясеи с Арбата,
Что главный маяк для меня Метрополь.
Всего я хлебнул в этой жизни когда-то,
Она, как ящик, меня била повдоль.

Спина от ударов моя задубела
Я падал, я плакал, я шел на метель.
Душа моя! Как же ты не огрубела,
Сумела сберечь и весну, и капель?

Зима моя! Белая чудо-невеста,
Взмахни лебединою силой своей,
Назначь мне свиданье у зимнего леса,
И дивною сказкой на душу повеи!

**
*

Зимушка! Птица моя белоперая,
С полетом таежных саянских саней,
Давай-ка с тобою по-честному, поровну
Считать и твоих и моих соболей.

Мы белок и всех горностаев поделим,
Всех зайцев, всех рыжих лисиц и кунниц,
И наших любимых мехами оденем,
Чтоб роскошь и щедрость не знали границ.

**
*

Ойду из дому, как из плена,
И никуда, я—философ.
И никуда в царство плена,
Амандавинок и пылесосов.

Как мне нравится этот тополь,
Что, как церковь стоит в траве.
Беззаботную голову топил
И купается в синеве.

Нарезан шляпок и царство тряпок,
И крученности домашней,
Вот что нравится лист в накрапах,
И прощания белых ромашек.

Грач глядит, как бобыль убежденный,
Что-то хочет во мне понять.
Небосвод мой, уют мой бездонный,
Мне тебя бы покрепче обнять!

И это вы не появились ее стихи — в «Огоньке» или «Работнице», в «Юности» или «Мире»: нибудь молодежной газете — нетрудно узнать Ларису по особой интонации ее стихов, настоянных на фольклорных соках, стихов, полных гражданственности и лиризма.

Александр Корнев, автор многих поэтических книг, прошлым летом совершил в первый раз поездку по Бурятии. Мы знакомим вас с одним стихотворением из его поэтического дневника.

Имя Даша Дамбаев и Цырен-Дулма Дондокова в рекомендации нашему читателю не нуждаются. Их имена хорошо известны у нас в Бурятии. А вот Намжил Нимбуев совершенно незнаком даже самым искушенным любителям бурятской поэзии. Ему всего восемнадцать лет. Естественно, что за это время он успел лишь окончить школу. Но первая проба голоса заставляет нас думать о том, что Намжил—достойный наследник поэтического имени своего отца Ширяби Нимбуева, одного из ветеранов бурятской поэзии. Любопытно, что в отличие от отца, Намжил пишет стихи на русском языке.

Мы рады открыть первую книжку «Байкала» 1967 года большой подборкой стихов поэта Москвы и Улан-Удэ. Доброго пути вам, друзья!

Мне нулеет пивалана,
Мои лана держит ргчы:
Чи нечаданься, горемыка?
Ини чаче-нибудь—горе с плеч!

Буду радути гнуть над полем,
Буду жить под прохладою рос,
За березовым частоколом,
В шалаше, и прощай, пылесос!

Ты знаешь, я тебя люблю.
И так мне хорошо от этого.
Скитаюсь я по февралю,
а на душе—июль и лето.

По озеру бежит заря,
Волнуется вода сиреневая,
Она дает мне янтаря,
а я тебе его примериваю.

Любимая! Бери! Носи!
Сняй янтарно и пронзительно!
Не бойся утренней росы,
Ходи по ней, она пользительна!

**
*

На пнях горелых иван-чай.
Качается, как чуть подвыпивший.
Откуда вдруг виолончель?
То шмель под бархатною выпушкой.

Концерт заказан для тебя,
Точней — для вашего величества.
Чего не сделаешь, любя,
Когда душа в огне лирическом.

Я руку тихо положу
На плечико твое покатое,
И посторонним не скажу,
Какие мы с тобой богатые!

Цырен-Дулма ДОНДОКОВА

НОЧЬ

Ветер тишь не тревожит ночную.
И петляет тропа среди тьмы.
Ах, по терпкому запаху чую,
что близки от отары мы.

Ночь дарует легкие сны.
Ночь отводит беду и лихо.
Нынче Семь Стариков* пьяны,
что над сопкою пляшут лихо.

Старики те не дружат с нами.
Их веселье—не наша вина.
Захотелось им с чабанами
завтрак съесть и выпить вина.

Чтобы ночь прожита не зря.
Чтоб округа собой гордилась.
Чтобы утренняя заря
улыбалась и серебрилась.

**
*

О, простор моей милой степной стороны,
где курится розовый дым сараны!
Разве я тебя позабуду,
если рвусь к тебе отовсюду?
Дым тот розовый, словно воздух, глотала,
я тебе доверяла все сны и мечты,
оттого, что в судьбе моей главное—ты.
Если б гордым орлом я была,

* Большая Медведица.

отдала б тебе оба широких крыла.
 Если б батором прослыла
 на могучих плечах бы тебе пронесла.
 Пусть в твоей глубине я лишь малая плаха,
 но живу я, летаю, ликую без страха.
 Ведь свила я гнездо не из тонкой травы,
 не из листьев сухих—из твоей синевы.
 Оттого в том гнезде мне поется легко,
 что я солнцем твоим обогрела его.

Перевод Светланы КУЗНЕЦОВОЙ.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

МАТЬ

Иногда в дверь раскосый —
 впереворот влетел.
 И промолвил дивьи косы,
 и встал как медь.
 И он преобрел зеленой
 окраской, но выжидал,
 и тогда меня каленой
 и тогда выжигал.
 И тогда ему плевала,
 и тогда первала,
 и тогда, вероюлась мало—
 и тогда рыдала...
 И тогда дорогого,
 и тогда, послала мать
 и тогда Дмитрия Донского
 и тогда батюки почитать.
 И тогда тавало полено.
 И тогда пришла отня домой.

Не желал другого плена
 дьявол, черт чернявый мой.

Но глядел он исподлобья,
 покорясь своей судьбе.
 — Ах, душа твои сутробья,
 не суди нас по себе.

Я ухват калить на стану,
 не приляпаю клейма,
 скатерть белую достану,
 соберу на стол сама.

Позвала я им галушки...
 Съели. Попросили вить.
 Протянула с брагой кружки:
 — пейте, злыдни, так и быть!

За окном горело небо.
 Чиль проселками плыла.
 Наливались гроздея хлеба,
 мать-и-мачеха вела.

**
 *

и опять между нами
 стыд и долг—сторожа.

Молчаливая мука
 сторожихой стоит—
 значит жизни излука
 нам разлуку сулит.

Что ж, давай напоследок
 просто так посидим.
 Как пронзительно-едок
 фиолетовый дым.

Иногда вилком дымом.
 Ишиным досветла?
 И вот ты пришло любимым
 и тогда нитвала.
 И вот вилкой мешая,
 и вот ты бы тебя,
 и вот ты не мешая,
 и вот ты не губи
 И вот ты вилке илами,
 и вот ты в илбу дрожла.

Но Ахавать нам счастливыми,
на судьбу не дергать,
недоброемми сливами
своими ртов не вязать,

синеваго дымкою
не теснить облаков
и бесстыдной обнимкою
не смущать стариков.

Уничтожить, разрушить, разбить,
все, что ревностно так сберегала!
Я хотела тебя разлюбить,
на край света с другим убегала.

Я чужого родным звала.
Криво к берегу лодку прибило.

Замедленно-медленно тает
щемяще-пронзительный звук —
не лги, что тебе не хватает
беспомощных, узеньких рук,

тебе не хватает удобства
владыкой себя ощущать
и тихого бабья холопства
с бессмертным уменьем прощать.

Иду то исподволь, то вдоволь,
то по прямой, то вперекос.
Я никогда солдаткой вдовой
не выбегала на мороз.

Я вербной веточкой шаталась
под гнетом счастья своего,
когда ждала я — дожидалась,
а что с того?

Какая братская могила,
В какой далекой стороне,

**
*

Только рядышком, около
помутнелых небес
оперением сокола
ожиданье чудес—

почему бы счастливыми
нам с тобой не бывать,
недозрелыми сливами
влажных ртов не вязать?

**
*

Что искала—нигде не нашла,
что нашла—ненароком разбила.

Нет, послушай, измена не то,
что привычно изменой считают,
если в целой Вселенной никто
о тебе позабыть не заставит.

**
*

Не вовремя ты постучался,
нечутко, нелепо, не к той—
здесь маятник долго качался
приниженной маятой,

отплакано здесь и отпето,
другому навек прощено—
на сером ковре парашета
дождя голубое зерно.

**
*

не на последней ли войне
взяла тебя мужичья сила?

Нет, я не жалею, напротив,
сама мешаю мед и яд,
но не по времени юродив
стремительный и смелый взгляд.

А то еще совсем слепую
в кромешном зареве иду,
и так блаженно за собою
такого зрячего веду.

НАМЖИЛ НИМБУЕВ

ОТХИ ПРО МОЮ ТЕЛОГРЕЙКУ

Ты о любви пишешь теперь,
Сладкий раз, заспавшись на пороге,
На себя закрывшая дверь,
Над ней твои изможденные ноги.

Ты о нем обнимала целину,
Трещала улыбка обоям нас немало.
Ты по раз алтайскую весну
На шиповнике плечах моих встречала.

Твой трактор заглушил над бороздой,
Ты в поле отдышал в теплой пашне,
И был ей благодарен за простой
И очень нужный мне уют домашний.

Ты не вступала в жизнь холостяка,
Ты не обитровала в злую вьюгу,
И в простоте степного городка
Ты не на мать и верную супругу.

Ты не читал в первые читал,
Мы были с тобой одни под звездным миром.

Свою тоску лишь ей я доверял,
Солидно поругавшись с бригадиром.

Я ею грел, в ночи у тракторов,
Ту девушку с пшеничною косою,
Сказавшую мне столько жарких слов,
А ставшую потом чужой женою...

Ах, телогрейка, спутница моя,
Товарищ с человеческой судьбою.
Стою в сенах, раздумья затая,
На грудь ее шагнув одной ногою.

Глядит из-под облезлых рукавов
Прожженных дыр печальными глазами.
А в них огонь забытых мной костров,
Горевших над озябшими степями!..

...Возьму в избу, и кончен разговор:
Там телогрейку, спутницу до гроба,
Повешу я жене наперекор
В горячие объятья гардероба.

**
*

Сладкогубый ветер целовал игриво
Медные колосья в поле за рекою,
Те слегка качались, покраснев стыдливо,
И в ответ смеялись звонкою лимбою:

«Не качай нас, ветер! Не целуй, чубатый!
Ведь стоять нам трудно под осенним небом—
Потому что нынче урожай богатый,
Потому что нынче люди будут с хлебом!»

* *
*

Ты шла ко мне,
Небеса не звал обратно,
Ты шла взошедши
Рыбью выжила
Дружили ладан
Твоем многократным
На мажорна
На шиповнике плечах.

Ты шла ко мне
На небесах мимо
На мажорна вверх,

Скользя босой ногой..
И тенью узкогорлого кувшина
Застыла
Над взволнованной водой.

Ты над собою
Руки заломила,
Желая дотянуться до богов.
А небо в них
Лазурь свою
Пролило,
Кувшин мой наполняя до краев.

Намжил НИМБ!

**
*

В азиатике тастыла на пороге,
Уме не зная: верить или нет,
Мотнулась птицей раненой к дороге,
Там и тонул с разбега пеший след.

Бежала декабристской женою,
И черными валенками снег.
Кричала мне с щемящею тоскою:
«Да где ж ты был, упрямый человек!»

А я стоял—немой от удивленья,
Замерший и жестокий Дед Мороз,

Что в рюкзаке лишь ревность да сом
На рождество Снегурочке принес.

Она ко мне испуганной мадонной
По снегу убегала с полотна:
Раздетой, растерявшейся, влюбленной
И оттого по-новому сильна.

И, трижды виноватый, у дороги
Я умирал, прощенный, от стыда.
Тогда-то и поверил я, что боги
Спускаются на землю иногда.

Александр КОРЕ

ИЗ САМАРТЫ

Знаешь, как это в Саянах?
Ждешь, и ждешь, и ждешь...
Но вот
Точкой в белых глубинах самых
Вдруг рождается вертолет.
И уже — разворот над нами
Рев, бензиновый перегар..
Лопастей своих стеблями
Медленнее он замахал..
А через поле, там и тут,
С четырех сторон бегут
Женщины, и даже дети.
Взволнованы, как и ты..
Спотыкаясь, торопятся встретить
Партию из Самарты.
Сел. Выпрыгивают пилоты.
Дверца в бок. Вот это да—
С грохотом, будто гряда,
Вываливаются из вертолета
Шапки, бороды, братва.
Ватники, унты, кто в чем,
Огрубели на работе.
Слезы и восторг—ручьём.
И кто трезв, а кто на взводе?
Песня, крик наперебой:
— Папка..
— Коля..
— Сын..
Вот бородач
Ребенка схватил в охапку,

А тот: «Колется!»—и в плач.
...Прибыли. С собою навалом
И орехов, и всего.
— Эх, а моей нет, не знала.
Уехала вниз, в село..
Ведь с полгола, как-никак.
Не видалась. Да с неделю—
Дрянью-погода — зря сидели
В ожидании на тюках.
— Ну айда!.. И гигант в обмотках
Другу, худенькому на вид,
Что расстроено так глядит:
-- Что делать-то будешь?..
— Водку пить буду...—
тот говорит.
Вещи за плечи—и домой,
К домикам на крутояре,
Обнялись и зашагали
Двое: маленький и большой..
Когда партию закрывают,
Когда партия улетаёт,
Завершив разведку недр,
Лишь геологи это знают,
Сколько радостей и бед!
Не выходит мотив из моды,
Как геолог среди болот,
Побеждая тайгу и лед,
С рюкзаком все идет вперед!
А я просто видел в Мондах,
Как приносит их вертолет.

Виктор СЕРГЕЕВ

КРАСНЫЙ ДЕНЬ

Роман

Глава первая

Намного туманов, клубящихся над гольцами, в духовитом запахе поросли и неколотых капелью сугробах шла весна.

С Карлижских гор пенистые потоки несли в распадок сучья кедров и сосны брусничный лист. Далеко внизу, на дне пади, они, утомленные, тихо сползали в болотце, ошетилившееся стрелками осоки.

По дороге отсюда до избы Фалиных — рукой подать.

Семья Фалиных, по здешним понятиям, не скажешь, что великая. Стареющие родители — Пантелей Дмитриевич и Серафима Мухоморова, братья Степан, Гаврила, Пашка, сестра Фрося, жена Степана с ребенком — вот и все семейство.

Фалиных на главной улице Ункура видели не часто, разве, что при проулках. Изба их стояла поодаль, в проулке, ближе к сопке, окруженной утыканной молодыми соснами. Внизу, под сопкой, строения никто не хотел — земля не прельщала: галька да и болотце. Но Пантелей Дмитриевич пошел туда селиться.

Под своей семьей очищали луговину, навоз коробами сыпали, с верхних лесных опушек — откуда сподручнее, — чернозем возили. За одну пол-литру снесли бригадиру.

Несколько огород за домом зазеленел, а подалее, на крутоярье, пасека заходила пчелиным гудом.

Степан и Гаврила — оба в отца, неповоротливые, кряжистые, узкие. Не всякий, здороваясь с ними, протягивал руку. От пожатия жалили пальцы. С виду братья будто стамеской скоблены — все грубо и шершаво.

Пашка пошел в мать, он понежнее. Приятней старших братьев. А еще и нежнее, силой не обижен и высок не по годам. Сильно начал расти в плечах. Успевай рубахи покупать. Поносил с мещинской — под мышками давит, на шее не сходится. Среди парней выглядел он куда старше. Волосы по утрам мочил и упрямо чесывал назад. Прическа как-никак.

Понадобить на Пашку со стороны — на щеках розовое, беззаботное молодечество, а мускулы уже буграми наливаются, ноги ставит как лопы, скликая клещами, чтоб потверже, понадежнее на земле стоять.

Взорос в нем словно бы два начала: во всей плоти появилось что-то взрослеющее, мужское, а в глазах по-прежнему, не таясь,

показывала наивный и бездонный голубизна. Сестренка Фроська, подруга его ученица, смеялась как-то над ним: «Подумаешь, какой! Ты же не один из этих милекательных». Он прикрикнул на нее: «Не болтай, чего тебе смешно!» А та хоть бы что: «Это девки про тебя говорили!»

Мать, Серафима Лукинична, располневшая к старости, с увядшими чертами лица, вела дом. Невестка Агриппина — подстать мужу, хоть косить, хоть на ферме ворочать бидонами.

Пантелей Дмитриевич от колхоза отошел. Жил сам по себе. Занимался садоводством. Вечерами, повесив на хрящеватый нос очки, брал газету, шевелил губами, показывая вставные зубы из нержавеющей стали. Интуитивно тут же сравнивал с местной жизнью. Выходило, что хуже Ункура ничего и нет...

Скрытно, молча в душе, переживал он за Пашку, не знал, как быть: Пашка-то десятую зиму в школу отходил, поди поталдонит с ним... Учиться бы отправить — выйдет ли толк? В колхозе трудодней его шоферские — курам на смех, не для того учили...

На неделе уехал в город с председателем, повез его... «На черта бы и возить! Сказать надо Пашке: будя, отшоферился! Хорошего не помногости. И то что-то заездился ноне, пора бы домой!»

Предчувствие чего-то нехорошего не покидало все эти дни Пантелея Дмитриевича. Спать шел — надеялся не без боязни, что в своих видениях какое ни на есть разъяснение ему выйдет про Пашку. А какое тут разъяснение... Каждую ночь печь снилась. Черт-те что! Не выдержал, спросил жену: «Печь к чему снится?» Та подумала, поглядела на него виновато: «Не иначе, отец, как к печали».

Лучше бы и не спрашивать!

Пашка Фалин, само собой, не знал, что его отцу печь во сне глаза промозолила, не знал он и того, что если придет к тебе сонному, печь — жди печали.

В то утро, когда Пантелей Дмитриевич спросил жену о своих снах, Пашка, их сын, пробудился безо всякого желания. Открыв глаза, он размял отяжелевшую, затекшую руку и невесело огляделся. Он лежал на нарах в камере предварительного заключения городской милиции. Солнечный лучик обтекал зарешеченное окно. В нем суеверно роились пылинки.

Вчерашнее, как дурной сон, вставало в памяти...

В дни декады бурятского искусства и литературы в Москве в 1959 году внимательный московский читатель с радостным удивлением приветствовал новый роман бурятского писателя Барадия Мунгонова «Холок наш бурливый». Роман этот вышел малым тиражом в издательстве «Советская Россия», а затем полумиллионным тиражом в «Роман-газете». Успеху романа «Холок наш бурливый» в очень многом способствовал добротный, творчески выполненный перевод с бурятского на русский язык. Он был исполнен Виктором Александровичем Семеновым.

На книжной полке читателей Восточной Сибири нашел свое место роман Жамьяна